

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора политических наук, профессора **Стрежневой Марины Вадимовны** на диссертационное исследование **Голофаст Анастасии Витальевны** по теме: «Современный политический морфогенез: процессы и технологии», представленное на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Актуальность темы диссертации А.В. Голофаст, исследующей в русле эволюционной морфологии политики изменения сложных форм политической организации в современном мире, не вызывает сомнений. К объекту своего исследования диссертант подходит с точки зрения расширенного понимания политогенеза (т.е. становления и динамики политической организации человеческого общества). Поэтому для политологов, которые изучают особую сферу жизнедеятельности людей, связанную с властными отношениями, данная диссертация, направленная на поиски вариантов восприятия в политических науках познавательных средств иных наук, прежде всего социологии, но также наук негуманитарного профиля, исключительно интересна в плане совершенствования теоретико-методологического обеспечения собственной работы. В диссертационной работе Голофаст подразумевается (и с этим рецензент спорить не станет), что в рамках непозитивистской модели политического исследования допустимы не только понятийно-категориальный аппарат и методология других наук, но и формирование трансдисциплинарных понятий.

Как пишет автор (стр. 4), в фокусе ее внимания оказался морфогенез современных политических институциональных образований в ракурсе политического управления с точки зрения процессуальности, обеспечиваемой соответствующими теоретико-методологическими и практическими технологиями. То есть мы имеем дело со специфическим подходом, претендующим на то, чтобы в перспективе поменять господствующие в среде политологов взгляды на проблему казуальности.

При этом в работе Голофаст сделана также плодотворная заявка на дальнейшее развитие территориально-пространственного подхода к политической форме, которая, как определяет автор (стр. 67), «обозначает способ организации общественно-политических пространств, включая типы его элементов, количество и качество связей между ними». Однако здесь же необходимо, конечно, заметить, что у пространственных подходов в политологии довольно богатая история и множество наработок, которые диссертанту тоже не следовало бы игнорировать. Кроме того, помимо тех территориально-пространственных

форм, на которых сосредоточилась автор, международники (в том числе в ИМЭМО РАН) ведут проработку и тех пространственных форм, которые не имеют непосредственной территориальной привязки, – см., например, публикации Н.А.Косолапова о международном политическом регионе.

В то же время утверждение (стр. 68), будто именно пространственный срез политической формы напрямую затрагивает вопрос ее границ, требует, как минимум, дальнейшего дополнительного уточнения. Действительно, территориальные границы могут не совпадать с границами идеологическими и нормативными, это наблюдается сплошь и рядом, но, конечно, с точки зрения теории куда важнее, что функции границы политической формы, в отличие от территориальной границы, связаны в первую очередь с тем, какова эта форма в плане ее открытости/закрытости во взаимоотношениях со средой. Этот вопрос крайне важен, так как могут возникать обоснованные сомнения относительно принципиальной интегрируемости открытых (читай: механических) систем. В диссертации в данной связи упомянуто, что между барьерной функцией, функцией фильтра и функцией мембраны, которые способны выполнять границы политической формы, есть существенные различия, но в тексте диссертации отсутствуют пояснения относительно того, чем же именно, тем более в политическом ракурсе, может отличаться последняя из них. В любом случае этот вопрос требует дальнейшего изучения, так как возникает предположение, что специфика границы политической формы зависит от социокультурного кода соответствующего сообщества. Вызывают также интерес рассуждения автора (стр. 68) об этапах состояния политической формы (здесь политолог может представить себе, скажем, систему международных отношений или национальную политическую систему), смена которых по сути уподоблена возрастной эволюции биологического организма. В таком плане, например, система международных отношений в неореалистской теории Кеннета Уолтца выглядит как незрелая, что отнюдь не лишено организационного смысла.

Настоящая диссертация опирается на парадигму синергетики. Для синергетики, как известно, исключительно важным является понятие самоорганизации, иначе говоря – способности системных комплексов к саморазвитию и саморегулированию под влиянием сигналов, поступающих из внешней среды, которые они обрабатывают, следуя своим внутренним тенденциям на разных уровнях. Принято считать, что синергетика устанавливает изоморфизм группы явлений, каждое из которых по отдельности может изучаться разными общественными науками, позволяя специалистам разного профиля объединить свои усилия. Синергетика соответствует канонам недерминистского,

эволюционного материализма, но выпадает из канонов материализма эмерджентного, что здесь обретает особое значение ввиду нижесказанного. Приверженцы эмерджентного материализма, в свою очередь, могут исходить из того, что явления сознания и культуры являются «эмерджентными свойствами» высокоразвитых материальных систем.

Дело в том, что в качестве еще одной основы данной диссертации следует упомянуть морфогенетическую теорию М. Арчер. Данная теория опирается на британский критический реализм Р. Башкара. Выступая на социологическом поле, Арчер дает динамическую (морфогенетическую) трактовку взаимодействия агентности и структуры, а также агентности и культуры. Одним из ключевых концептов ее морфогенетической теории выступает как раз эмерджентность, подразумевающая конечный продукт двойного морфогенеза (структуры и агентности), который ведет к тому, что люди определенным образом группируются для целесообразного изменения культуры и структуры общества. Как, в частности, написано в настоящей диссертации (стр. 86–87), «эмерджентные свойства означают, что атрибуты международной системы не могут быть объяснены на основании свойств входящих в нее элементов», каковыми у международников обыкновенно принято прежде всего считать государства. Международникам хорошо известно, какой сокрушительной критике был подвергнут неореализм Уолтца с подобных позиций.

Предпринятая здесь амбициозная попытка достижения методологического синтеза вызывает уважение, но в то же время способна спровоцировать некоторые сомнения. Дело в том, что, как представляется, критический реализм и синергетика все же достаточно далеки друг от друга в своих теоретико-методологических основаниях, тогда как диссертант, по большому счету, проходит мимо их различий. Пытаясь добиться их гармоничного сочетания, она дает нам, к примеру, довольно противоречивую, уязвимую трактовку политического субъекта.

С одной стороны, морфогенетическая теория – это социологическая теория, перспективы трансдисциплинарного применения которой в сфере социально-гуманитарных наук, в том числе при изучении международных отношений, действительно рассматриваются, хотя и предстают до сих пор несколько неопределенными. В философском плане она опирается на критический натурализм Роя Башкара, амбиция которого состояла в том, чтобы показать, как наука работает в реальных условиях. Наука у Башкара продвигается от уровня наблюдателя к уровню причинных (генеративных) механизмов или структур. Взаимодействие языка и реальности рассматривается через

метафору, используемую для выражения ненаблюдаемых сущностей и референцию научных

терминов. При этом объективность наблюдателя как (потенциального) проектанта политической реальности (то есть политического субъекта в собственном роде) заведомо должна быть поставлена под вопрос. С этим в принципе трудно не согласиться. Но к экспериментам в социально-политической плоскости критический реалист, насколько можно понять, в принципе относится без всякого доверия.

С другой стороны, синергетика предлагает не альтернативную позитивистским, а именно что дедуктивную модель объяснения, и транслирует большую меру энтузиазма в отношении возможностей проектирования социальной (и политической) реальности в целях достижения общего блага, которое, конечно, категорически не может опереться на такую ненадежную почву, как метафора, а должно, желательно, пользоваться чем-то повесомее, – скажем, возможностями нелинейной математики и дифференциальными уравнениями, которые помогут определить результирующую тенденцию, желательно в достаточно узком диапазоне.

В соответствии с синергетическим подходом «продвинутые», то есть открытые, политические формы определяются в диссертации как более прогрессивные, то есть такие, которыми, вооружившись «правильной» наукой, фактически можно управлять снаружи в целях проектно-ориентированного развития, иначе говоря, подталкивать развитие политической формы в нужном направлении, придав при этом процессам политической самоорганизации научно выверенный и должным образом направленный «толчок». В этом смысле рефлексивность политического процесса означает способность «подопытного» политического субъекта к политическому обучению (стр. 29), а по сути субъектные качества опять присваиваются тому самому авторитетному наблюдателю (стр. 39), от которого так стремился избавиться Никлас Луман, деонтологизируя собственную системную теорию. Но подобный взгляд в рецензируемой диссертации тут же входит в диссонанс с утверждением (с 50), будто «субъектное начало в морфогенетических процессах выражено не только человеческим фактором, но самой витальностью окружающей человека материи», с чем синергетик не должен согласиться, и в результате методологический плюрализм в данной диссертации не возникает, но возникает некоторая разноголосица, которую, конечно, нужно пытаться преодолевать с помощью триангуляции, одновременно используя и позитивистские, и интерпретативные методы.

Обыкновенно принято считать, что субъектность в политике означает способность (индивида) выступать субъектом политики. Другая трактовка является психологической и выводится из способности субъекта к активности, обеспечивающей его самореализацию посредством проектирования собственной деятельности. Отдельного внимания требует вопрос мотивации. Ввиду вышеупомянутых соображений формулируемая в диссертации задача обеспечения подотчетности политических субъектов (каких и кому?) выглядит довольно экстравагантно, тем паче если не учесть (реабилитирующее диссертанта) соображение, что она, вслед за другими приверженцами синергетики, как будто отдает предпочтение открытым (то есть механическим, не живущим своей жизнью) политическим формам, легитимность которых у политологов вслед за Д. Истоном, опиравшимся на Т. Парсонса, действительно считается нормативно зависимой от транспарентности процессов политического управления для общества включая экспертов (которое в таком случае и есть среда для действующей политической системы). Самым «актуальным» вариантом подобного подхода в области институционализма можно назвать дискурсивный институционализм американского политолога Вивиен Шмидт.

Будучи специалистом по европейской интеграции, которая представляет собой грандиозный эксперимент в том числе в сфере политического, я не могу отрицать: политические эксперименты на основании экспертных разработок случаются в жизни, мы даже можем их наблюдать, но — до известных пределов, после чего, когда дефицит демократии в политической системе Евросоюза начинал уже угрожать его существованию, от зуда экспертно-ориентированного проектирования его политической системы правящему классу ЕС пришлось отступить из чувства самосохранения, поругивая граждан за неуместный популизм.

На стр. 37 диссертации говорится о том, что «политические субъекты часто оказываются “лимонами” (*sic!*), не оправдывая ожиданий в отношении своего поведения». Политологу хочется воскликнуть: как хорошо, что это так и что им все-таки удастся в нужный момент «прикинуться чайниками!» Потому подобное терминологическое заимствование из области экономики не выглядит здесь вполне органичным и, как представляется, способно только скомпрометировать достойную уважения авторскую концепцию.

Дополнительно, впрочем, возникает такой вопрос: в каком смысле индивид может являться формой политического управления? Индивид — отдельный организм, с присущей

ему автономией, в частности мы можем назвать индивидом человека. Но если человек становится в нашем представлении формой политического управления, то сомнительно, чтобы, придерживаясь эмерджентного материализма, мы могли и впредь считать его индивидом, потому что нам нужно заглянуть внутрь любой политической формы, чтобы понять, как же, за счет каких глубинных внутренних механизмов она адаптируется к вызовам среды.

Между тем возникшие по ходу чтения диссертации Анастасии Голофаст замечания и соображения отнюдь не снижают теоретической и практической ценности ее оригинальной работы. В диссертации решается актуальная научная проблема. Работа вносит достойный вклад в развитие методологии и методов институциональных исследований в политической науке. Диссертация должным образом структурирована. Полученные в ней выводы способны послужить лучшему пониманию процессов функциональной формативной (дез)интеграции в политическом морфогенезе, выявляя в окружающем мире основания для тенденции переноса акцента с централизованных на дисперсные архетипы управления, которые могут материализовываться под влиянием внешнего вызова.

Таким образом, в целом нужно констатировать, что диссертационное исследование А.В. Голофаст выполнено на должном уровне и имеет большую значимость для политической науки, обладая неоспоримой научной новизной. Рецензируемая диссертация соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней ВАК Минобрнауки РФ, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Голофаст Анастасия Витальевна заслуживает присуждения ей искомой ученой степени.

Главный научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук»,
доктор политических наук по
специальности 23.00.04 – Политические
проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития,
профессор

М.В. Стрешнева

Стрешнева Марина Вадимовна

18 ноября 2021 года

Адрес: Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23

Тел.: +7 (499) 120-5236

E-mail: m.strezhneva@imemo.ru

6

Подпись *Стрешневой М.В.*
ЗАВЕРЯЮ
Заседатель Отделом кадров ИМЭМО РАН
М. Е.А. Блещинский